SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перевод одной из центральных, в контексте творчества и философии, статей Филипа Дика «Man, Android and Machine» из сборника «The Shifting Realities of Philip K. Dick Selected Literary and Philosophical Writings»

- Филип К. Дик

Филип К. Дик
Человек, андроид и машина

От редакции. *Нижеследующий текст является переводом одной из центральных в контексте его творчества и философии статей Филипа Дика. Речь идет о «Man, Android and Machine» из сборника «The Shifting Realities of Philip K. Dick Selected Literary and Philosophical Writings», которая была переведена для нашего проекта Марком Стрелецким. В тексте перевода есть небольшие купюры — например опущено, как Дик в 63-м увидел в небесах Машину Ужаса и т. д., но мы надеемся, что все это будет подлечено апдейтом и вообще не сильно влияет на смысл. Проделанная работа в любом случае огромна и этот материал всячески рекомендуется к прочтению.*

Во вселенной существуют явления (вещи), характеризующиеся холодом и жестокостью, которые я называю «машинами». Их поведение пугает меня, особенно когда оно имитирует человеческое поведение настолько хорошо, что у меня возникает волнительное чувство того, что эти вещи пытаются выдать себя за людей, но при этом ими не являются. Я зову их «андроидами», вкладывая в это слово свой собственный смысл. Говоря андроид, я веду речь не об искренней попытке создать человеческое существо в лабораторных условиях, а о вещи, которая произведена, создана таким образом, чтобы вводить нас в обман жестоким путем и заставлять считать ее одним из нас. Созданы ли они в лаборатории — аспект не важный; вся вселенная это одна большая лаборатория, из которой рождаются коварные и жестокие сущности, которые, улыбаясь, стремятся пожать нам руку. Но их рукопожатие это хватка смерти, а от их улыбки веет могильным холодом.

Эти существа живут среди нас, хоть морфологически различий у нас с ними нет; наши суждения о них должны исходить не из субстанционального различия, но из различия поведенческого. В своих научно-фантастических произведениях я постоянно о них пишу. Иногда они сами не знают, что являются андроидами. Они могут быть привлекательными, но при этом им будет чего-то не доставать, как Рэйчел Роузен; или, словно Фрис из «Мы вас построим», они могут быть рождены человеком и даже создавать андроидов (как Авраама Линкольна в этой книге), а

сами не иметь внутреннего тепла; они могут быть описаны, как нозологическая единица «шизоид», которая указывает на утрату должного уровня чувствования. Я сделаю повторный акцент на том, что это «вещи/явления». Человеческое существо без должного уровня эмпатии и других чувств есть то же самое, что и созданные по ошибке или замыслу андроиды. Главным образом, я подразумеваю кого-то, кого не волнует судьба окружающих существ настолько, что те становятся жертвами различных событий; кого-то, кто стоит в стороне, зрителя, претворяющего в жизнь своей безучастностью теорему Джона Донна о том, что «ни один человек не остров, замкнутый в себе», но инвертируя ее в «ни один ментально-нравственный остров не человек».

Но тем не менее, мы должны осознавать, что вселенная, благосклонная к нам в своей тотальности (она должна любить и принимать нас, иначе бы нас здесь не было; или, как сказал Абрахам Маслоу: «в ином случае природа давным давно бы нас казнила»), все же надевает скалящиеся злостью маски, выглядывающие из тумана нашей растерянности, которые способны умертвить нас в своих корыстных целях.

В то же время, нам стоит быть внимательными к возможности перепутать маску, любую маску, с реальностью под ней. Вспомните военную маску Перикла. Вам бы предстало застывшее выражение лица, гримаса войны без признаков сострадания и без признаков личности, на которую бы оно походило. И надевалась она, естественно, по намерению. Представьте, что вы даже не поняли, что это маска; что вы решили, по мере того как Перикл приближался к вам из предрассветного тумана и полутьмы, что это его подлинное лицо. Именно так я и описал Палмера Элдрича в моем романе о нем. Все это очень похоже на военные маски Аттического периода Греции, сходство с которыми не может быть случайным. Разве не являются полые прорези глаз, механические руки, сделанные из металла, зубы из нержавеющей стали, признаками, описанием, видением маски войны и металлической брони, которую носит бог войны? Гневающееся Божество разозлилось на меня. Но за всей этой злостью, под шлемом, за слоем металла находится лицо человека, как и в случае с Периклом. Доброго и любящего человека.

На протяжении многих лет одной из моих главных тем была мысль о том, что у «дьявола металлическое лицо». Возможно, теперь в это стоит внести поправку. То, что я увидел и о чем потом написал на самом деле не являлось лицом, но маской поверх лица. И настоящее лицо является противоположностью маски. Только так и может быть. Поверх свирепого холодного металла не помещают холодный металл. Его помещают поверх

мягкой плоти, наподобие тому, как искусно украшает себя беззащитный мотылек, дабы отпугивать других существ при помощи рисунка глаз на крыльях. Если эта защитная мера срабатывает, то хищник возвращается в свое логово, проговаривая: «в небе я увидел ужасающее существо — у него были бешеные глаза, оно порхало и имело ядовитое жало». Это впечатляет родное окружение существа. Магия сработала.

Раньше я предполагал, что только плохие люди носят пугающие маски, но, как вы теперь можете увидеть, я сам попал под действие магии маски, ее ужасающей, пугающей магии, ее иллюзии. Я поверил в обман и сбежал. И сейчас мне хочется извиниться за свидетельствование об этом обмане, как о чем-то подлинном. Все выглядит так, будто вы сидите вокруг костра с широко раскрытыми встревоженными глазами, а я вам рассказываю истории о тех жутких монстрах, что повстречал. Мое путешествие к открытиям кончилось ужасающими видениями, которые я добросовестно принес с собой домой по окончанию побега к безопасности. Побега от чего? От чего то, что, когда удовлетворяет свои нужды и жажду, улыбается и раскрывает свою безобидность.

Я не намерен отбрасывать в сторону мою дихотомию между «человеком» и «андроидом», в коей последний является жестокой и дешевой пародией на человека, на его сущностный аспект. Но до этого я ходил по поверхности; необходимо провести более подробное разграничение между этими категориями. Ибо если тихая безвредная жизнь прячется за устрашающей маской войны, то за любящими и тихими масками может скрываться порочный убийца людских душ. В каждом из этих случаев мы не можем полагаться на поверхностные впечатления, мы должны проникнуть в центр каждого явления, в самое сердце обсуждаемого предмета.

Пожалуй, все во вселенной служит благой цели. Но существуют имманентные структуры, субсистемы, которые забирают жизнь. Мы должны иметь с ними дело в этом качестве, без соотнесенности с их ролью в целокупной структуре.

В Сефер Йецире, «Книге Творения», одном из текстов в каббале, которому уже почти 2 тысячи лет, говорится: «Бог также установил одно напротив другого, добро напротив зла и зло напротив добра. Добро исходит из добра, а зло из зла. Добро очищает зло, а зло — добро. Добро существует для добродетельных, а зло для порочных.»

Обуславливает две играющие силы Бог, который одновременно является ими обеими и ни одной из них. Результат игры заключается в очищении и искуплении каждой из сторон.

Таким образом, древнееврейский монотеизм предвосхитил наш взгляд. Мы являемся существами, живущими внутри игры, сходства и различия в которой предопределены для нас — но не слепым случаем, а неутомимыми энграммирующими системами, в которых уже заключены все их возможные проявления в будущем и которые мы смутно замечаем. Если бы мы видели их более ясно, то мы бы прекратили игру. Очевидно, это не послужило бы ни чьим интересам. Нам стоит довериться этим тропизмам, да и у нас нет иного выбора — до тех пор, пока тропизмы не рассеиваются. И в определенных условиях они способны на это. В этой точке, многое из того, что нам доселе было намеренно закрыто, становится ясным.

Нам стоит понять, что этот обман, это затенение некоторых вещей, которые словно сокрыты вуалью (вуалью Майи, как ее называли) — не является самоцелью, как если бы вселенная была неким образом странно извращена и ей нравилось сбивать нас с толку ради самого этого факта. Мы должны принять то, что вуаль (называемая греками докос), лежащая между нами и реальностью, служит высшей цели. Пармениду, философу досократику, исторически приписывают первое на Западе систематизированное доказательство того, что мир не может быть таким, каким мы его наблюдаем, что докос, вуаль, существует. Мы находим схожее определение, выраженное Апостолом Павлом, когда он говорит о нашем видении, как об «отражении на дне начищенного металлического поддона». Он ссылается на знаменитое представление Платона о том, что мы видим лишь отражения реальности, и что они, вероятно, крайне не точны и несовершенны для того, чтобы на них полагаться. Мне хочется добавить, что Павел сказал несколько больше, чем Платон в его знаменитой метафоре пещеры: Павел говорил о том, что мы, вполне возможно, наблюдаем разворачивание вселенной в обратном направлении.

Резкая необычность этой мысли не может быть просто усвоена, даже если мы ее схватываем интеллектуально. «Наблюдать вселенную, идущую в обратном направлении?». Что это может значить? Что ж, давайте рассмотрим следующее предположение о том, что мы воспринимаем время задом наперед, в обратную сторону или, что более точно, что наша внутренняя субъективная категория переживания времени (в том смысле, в котором о ней говорил Кант: время это способ нашего упорядочивания опыта), наш опыт его проживания ортогонален течению времени как таковому. Наличествует два разных времени: время, являющееся нашим опытом/восприятием/сконструированной онтологической матрицей,

характеризующейся экстенсивностью к некоему другому месту; и внешний космический временной поток, идущий в ином направлении. Оба из них реальны, но переживая время таким образом, как делаем это мы, ортогонально его действительной направленности, мы получаем абсолютно неверную картину последовательности событий, каузальности, что есть прошлое и что есть будущее, к которому идет вселенная.

Я надеюсь, что вы понимаете всю важность этого. Время реально в качестве опыта, как об этом говорил Кант, и реально в смысле, который выразил советский астрофизик Николай Козырев: время это энергия, являющаяся фундаментом для скрепления вселенной воедино, от которого зависит вся жизнь, и из которого исходят и проявляют себя все феномены. Это энергия каждой отдельной энтелехии и энтелехии всей вселенной в целом.

Но время, как таковое, не движется из нашего прошлого в наше будущее. Его ортогональная ось ведет его через ротационный, вращательный, попеременный цикл, внутри которого, к примеру, мы, так сказать, «бегали в колесе» протяженной зимы нашего вида, которая длилась почти две тысячи наших линейных лет. Судя по всему, ортогональное (истинное) время совершает нечто, похожее на первобытное циклическое время, в котором каждый год рассматривался как тот же самый год, а новый урожай считался тем же урожаем. В сущности, и каждая весна была той же самой весной. Разрушил эту человеческую способность воспринимать время таким невероятно простым образом тот факт, что сам человек проживал очень много таких лет и видел, как он изнашивается и не обновляется каждый год, словно урожай зерна, лук, корнеплоды и деревья. Он подумал, что должна существовать более адекватная модель времени, нежели просто циклическая. Таким образом, постепенно он изобрел линейное кумулятивное время, о котором писал Бергсон — оно идет только в одном направлении и добавляется (само или кем-то) ко всему, мимо чего проносится.

Истинное ортогональное время характеризуется ротационной динамикой, и в более крупном масштабе оно сродни Великому Году древних и представлению Данте о взаимодействии времени и вечности, которое он подробно описал в своей «Божественной Комедии». В Средние Века, такие мыслители как Эригена начали чувствовать истинную вечность или безвременье, в то время как другие утверждали, что вечность включает в себя и время (безвременье это статичное состояние), хотя это время достаточно сильно отличается от нашего привычного восприятия. Ключ к пониманию лежит к повторяемому тезису Апостола Павла о том,

что Последние дни мира будут Временем восстановления всех вещей. Он, очевидно, воспринимал это ортогональное время достаточно ясно, чтобы понять, что оно содержит в качестве синхронного единомоментного плана все, что когда-либо существовало, также как бороздки на виниловой пластинке содержат в себе часть музыки, которая уже была проиграна, они не исчезают после того, как игла проходит по ним. Грампластинка представляет собой длинную спиральную канавку и может быть полностью представлена простым планиметрическим способом (думаю, можно говорить о том, что игла накапливает, собирает музыкальное произведение по мере ее движения). Идея о том, что в этом спиральном времени возможны спонтанные перескакивания иглы вперед и назад (дисфункции проигрывания) представляется вероятной, но они бы не послужили никакому телеологическому смыслу — это были бы сдвиги времени, как в моем романе «Сдвиг времени по-марсиански». Но, однако, они могли бы иметь большой смысл для нас, наблюдателей и слушателей вселенной, за счет этих сдвигов мы бы узнали много нового о мироздании. Я полагаю, что такие онтологические дисфункции времени иногда случаются, но наш мозг тут же автоматически генерирует ложные системы воспоминаний, пряча и вуалируя их. Причина этого отсылает нас к основе нашего рассуждения: вуаль, или докос, существует и вводит нас в заблуждение не просто так, и обнаружение скрытого порядка через наблюдение временных дисфункций сглаживается нашим восприятием ради поддержания высшей цели.

Существуя внутри системы, которая, должно быть, производит колоссальный объем вуалирующих действий, было бы несколько самовлюбленно рассуждать о том, что есть реальность, в то время как моя предпосылка гласит о том, что если бы нам удалось по какой-либо причине проникнуть за вуаль, то этот странный туманный сон самовосстановился бы в обратную сторону — говоря языком наших восприятий и воспоминаний. Взаимное пребывание во сне возобновилось бы, потому что, как я считаю, мы очень похожи на персонажей моего романа «УБИК»: мы находимся в состоянии полужизни. Мы не являемся ни мертвыми, ни живыми, но хранимся в замороженном состоянии и ждем момента, когда лед растопят. Выражаясь, возможно, слишком привычными понятиями смены времен года, можно сказать, что это зима, зима нашей расы, похожая на зиму персонажей УБИКа, пребывающих в состоянии полужизни. Они покрыты снегом и льдом, также как лед со снегом покрывают наш мир прирастающими друг к другу слоями, которые мы зовем вуалью. Расплавляет эту ледяную корку, покрывающую наш мир,

разумеется, возвращение солнца. То, что заставляет таять снег, покрывший персонажей УБИКа, что прекращает охлаждение их жизней, энтропию, которую они чувствуют — это голос Ранситера, их бывшего работодателя, который взывает к ним. Голос Ранситера это ни что иное как тот же самый голос, что слышит каждый клубень, каждое семя и черенок в земле, нашей земле в наше зимнее время. Все они слышат одно: «Проснитесь! Спящие, пробуждайтесь!». Теперь вы знаете, кто такой Ранситер и о чем на самом деле УБИК, а также о нашем общем состоянии. Как я говорил ранее, время это именно то, что под этим словом понимал советский ученый Николай Козырев, и в УБИКе время было упразднено, сделалось недействительным и перестало подчиняться линейному способу течения вперед, который мы привыкли воспринимать. И по мере того, как это происходило в связи со смертью персонажей, мы, читатели, и они, персонажи — видим мир без вуали Майи, без скрывающего тумана линейного времени. Это именно та самая энергия, Время, постулированная Козыревым, как объединяющая все феномены и поддерживающая во всем жизнь, что своей деятельностью прячет онтологическую реальность под ее беспрестанным течением.

Ось ортогонального времени, представленная в моем романе УБИК описана там без моего понимания того, что я изображаю: я имею ввиду регрессию форм объектов по временной линии, идущей совсем в ином направлении относительно той, за счет которой они изначально появились (линейное время). Это изменение порядка на обратный соответствует платоновским Идеям или архетипам: ракета обращается в Боинг-747, а тот — в биплан времен Первой мировой войны. Несмотря на то, что я выразил достаточно впечатляющий взгляд на ортогональное время, в нем почти не указывается то, что это ортогональное время претерпевает противоестественную реверсию, то есть движется в обратную сторону. Возможно, то, что наблюдают персонажи УБИКа есть ортогональное время, движущееся согласно своей нормальной оси: если мы каким-то образом наблюдаем вселенную в обратную сторону, то «реверсии» форм объектов в УБИКе могут быть на самом деле движущей силой к совершенству, законченности, высшей ступени развития. Это приводит нас к тому, что мир, протяженный во времени (нежели в пространстве) походит на луковицу, почти бесконечное число преемственных, следующих одним за другим слоев. Если линейное время прибавляет эти слои, то тогда, вероятно, ортогональное время снимает их, обнажая слои все более возвышенного и значимого Бытия. Здесь можно вспомнить взгляд Плотина на вселенную, как на совокупность концентрических

кругов эманации, каждый из которых содержит более глубокий Порядок бытия (или реальность), нежели следующий.

Внутри этой онтологии, этого порядка Бытия, персонажи, как и мы сами, покоятся во снах и ждут голос, который бы их пробудил. Когда я говорю, что мы и они ждем, когда придет весна, я не просто обращаюсь к удобной метафоре. Весна означает термальный всплеск, аннулирование процесса энтропии. Весна, возвращающая жизнь, возвращает ее всеобъемлюще. В некоторых случаях, как с нашим видом, новая жизнь есть метаморфоза, превращение и переход: период пребывания во сне есть период совместного с нашими близкими созревания, который кульминирует в совершенно новой форме жизни, отличной от всего, что мы знали прежде. Многие виды развиваются схожим образом: они проходят через ряд циклов. Таким образом, наш зимний сон это не просто «бег в колесе», как может показаться. Мы не просто будем расцветать снова и снова тем же способом, что и все прежние года. Именно поэтому древние ошибочно полагали, что для нас, словно для растений, каждый год это тот же самый год: мы кумулятивны, энтелехия каждого из нас, несовершенного и незавершенного существа, постоянно растет и никогда не повторяется. Словно симфонии Бетховена, каждый из нас уникален и, когда эта продолжительная зима закончится, мы воспрянем новыми соцветиями, которые удивят как нас, так и окружающий мир. Многие из нас сбросят одномерные маски, что мы носили — маски, которые мы, как и должно было быть, принимали за реальность. Маски, которые успешно дурачили всех, в чем и состояла их цель. Все мы — Палмеры Элдричи, движущиеся сквозь холодный туман и мглу зимних сумерек, но вскоре мы проснемся и откажемся от железных масок войны, дабы раскрыть наше настоящее лицо под ними.

Это лицо, мы, носители масок, тоже прежде не видели, и оно нас сильно удивит.

Для того, чтобы себя раскрыла абсолютная реальность, наши категории пространственно-временного опыта, наши базовые матрицы через которые мы взаимодействуем со вселенной, должны ослабеть, а затем полностью разрушиться. Я описывал это разрушение с точки зрения течения времени в «Сдвиге времени по-марсиански»; в «Лабиринте смерти» я показал бесчисленные параллельные реальности, расположенные пространственно; а в «Лейтесь слезы — сказал полицейский» мир одного персонажа наполняет собой мир в целом и показывает, что то, что мы считаем «миром» есть ничто иное как Разум, имманентный Разум, мыслящий, или, лучше будет сказать сновидящий, наш мир.

Сновидец, как в «Поминках по Финнегану» Джеймса Джойса уже ворочается и вот-вот придет в сознание. Мы находимся внутри его сна и наши отдельные многообразные сны схлопнутся, свернутся сами в себя, исчезнут в качестве снов и будут заменены истинным ландшафтом реальности сновидца. Мы воссоединимся с ним, когда он ее вновь узрит и поймет, что все это время спал. Говоря в терминах Брахманизма, мы можем сказать, что подошел к концу великий цикл, и Брахман вновь просыпается, или же засыпает после периода бодрствования: в любом случае, воспринимаемая нами вселенная, которая является пространственной и временной протяженностью его Разума, переживает типичные для завершения цикла дисфункции. Вы вольны сказать, если хотите, что «реальность разваливается и все обращается в хаос», или же, вы вместе со мной предпочтете говорить «я чувствую, что сон, докос, уходит, майя растворяется. Я просыпаюсь, Он — просыпается. Я есмь Сновидец. Все мы — Сновидец.» Концепция Сверхразума Артура Кларка — о том же.

Каждому из нас предстоит или утвердить реальность, которая раскроет себя, когда наши онтологические категории рухнут, или отрицать ее. Если вы чувствуете, как все обступает хаос, то в тот момент, когда сон исчезнет, ничего прежнего не останется, или хуже — вы столкнетесь с чем-то ужасающим. Именно по этой причине концепция Страшного суда возобладает над многими умами: у людей наличествует глубокая интуиция, что когда докос неожиданно растворится, настанут трудные времена. Возможно, это так. Но я склонен считать, что открывшееся видение будет благосклонным, так как весна озаряет существ мягким сиянием, а не сражает их испепеляющим огнем. Возможно, когда вуаль спадет, во вселенной также покажут себя злокачественные силы. Но когда я думаю о крушении политической тирании в США в 1974 году и мне представляется, что выведение этой уродливой проказы на солнечный свет и ее дальнейшее устранение есть один из наиболее важных аспектов раскрытия свету, я также думаю о том, что нам предстоит пережить шок узнавания того, что во время Ночи и Тумана (Nacht und Nebel) наша свобода, наши права, наша собственность и даже наши жизни были изувечены, обезображены, украдены и разрушены подлыми ненасытными созданиями, что населяют иллюзорные убежища своих дорогостоящих вилл. Но шок от раскрытия этой правды принесет куда больше вреда их планам, нежели нашим, так как наши ведомы лишь желанием жить в мире справедливости, истины и свободы. Предыдущее правительство этой страны было устроено таким образом, чтобы предоставлять условия жестокой власти самого наглого толка и постоянно лгать нам через различные

каналы коммуникации. Это очень хороший пример исцеляющей силы солнечного света: эта сила сперва разоблачает, а затем заставляет иссохнуть пагубный сорняк тирании, которой врос в самые глубины бьющихся сердец хороших людей.

Но их сердца продолжают биться, сейчас — сильнее, чем когда-либо, хоть это и крайне сложно было вынести: но проказа, медленно заполняющая их собой — ушла. Эта черная скверна, что избегала света, сторонилась истины и уничтожала любого, кто ее произносил, показывает нам, что способна породить долгая зима человеческой расы. Но эта зима начала подходить к концу с весеннего равноденствия 1974 года.

Иногда мне думается, что Сновидец начал подавлять тиранию по мере своего пробуждения. Здесь, в Соединенных Штатах, он пробудил нас до нашего текущего состояния — состояния страшной опасности.

Одним из лучших и наиболее важных для понимания природы нашего мира романов является «Резец небесный» Урсулы Ле Гуин, в котором вселенная сновидений описана настолько поразительным и захватывающих образом, что мне вряд ли стоит добавлять к ней какой-либо комментарий — она в нем не нуждается. Я не думаю, что кто-то из нас двоих знал о проведенных Чальзом Тартом исследованиях сновидений во время написания нескольких из наших романов, но теперь мне о них известно, как и о работах Роберта Орнштейна, являющегося сторонником «революции мозга» к северу от моего места проживания, в Стэнфордском университете. В его работах говорится, что имеется вероятность того, что мы располагаем двумя отдельными видами мозга, нежели одним мозгом, разделенным на два симметричных полушария и о том, что хоть мы и имеем одно тело, разума у нас два (здесь я сошлюсь на статью Джозефа Богена «Другая сторона мозга: соположенный разум» (The Other Side of the Brain: An Appositional Mind), опубликованную в сборнике Орнштейна под названием «Природа человеческого сознания» (The Nature of Human Consciousness). Боген указал на то, что на протяжении всей истории цивилизации у исследователей сознания периодически возникали идеи о том, что у нас два мозга, два разума, но только с современными технологиями картографирования мозга и соответствующими исследованиями оказалось возможным продемонстрировать это. К примеру, в 1763 году Иероним Гаубиус писал: «Надеюсь, что вы поверите Пифагору и Платону, мудрейшим из древних философов, которые, согласно Цицерону, делили разум на две части, одна из которых содержит в себе рациональный ум, а другая нет.» Статья Богена содержит в себе настолько

восхитительные концепции, что мне остается лишь удивляться тому, почему мы никогда не осознавали, что наше так называемое «бессознательное» это совсем не бессознательное, но другое сознание, с которым мы скудно и недостаточно взаимодействуем. Именно этот разум, это сознание сновидит нас по ночам — мы являемся аудиторией его обязательного нарратива, мы им околдованы, словно дети. Именно поэтому «Резец небесный» может по праву считаться одной из величайших книг цивилизации, особенно учитывая то, что Урсула Ле Гуин (я уверен в этом), пришла к формулированию своих идей, не зная о работах Орнштейна и экстраординарной теории Богена. Все это вкупе подводит к следующему: один мозг получает через различные сенсорные каналы те же входные данные, что и другой, но по-другому обрабатывает информацию. Каждый мозг работает своим отличительным образом (левый можно сравнить с цифровым компьютером, а правый с аналоговым, который работает путем сопоставления паттернов). Обрабатывая идентичную информацию, каждый их них приходит к различным результатам — так как наша личность конструируется в нашем левом мозге, а правый находит нечто жизненно важное, но неосознаваемое левым, то он, должно быть, коммуницирует с нами во время сна, когда мы участвуем в сновидениях. Таким образом, Сновидец, что столь безотлагательно сообщается с нами по ночам, нейрологически расположен в нашем правом мозге, представляющем собой не-Я. Но кроме этого мы пока мало что можем сказать (к примеру, является ли правый мозг, как полагал Бергсон, приемником и преобразователем сверх-сенсорного потока информации, выходящего за пределы сферы действия левого?). Однако, я считаю, что волшебные чары докоса ткутся неоднородностью нашего правого мозга. Мы, как вид, склонны гнездиться целиком лишь в одном полушарии, оставляя другое делать то, что должно для защиты нас и защиты мира. Важно иметь ввиду, что эта защита билатеральна, она предполагает взаимообмен между миром и каждым из нас — все мы суть сокровища, которые важно лелеять и сохранять, но таковым является и мир со скрытыми покоящимися в нем семенами. Таким образом, посредством Кали, которая прядет вуаль, правого полушария каждого из нас, мы остаемся незнающими о том, о чем мы сейчас не должны знать. Но эти времена подходят к концу: зима тает вместе с ее ужасами, тиранией и снегом.

Лучшее описание вуалирующей системы, докоса, что я встречал до настоящего момента, я прочел в статье Фредрика Джеймсона «После Армагеддона: Системы персонажей в „Докторе Смерть“», посвященной одному из моих труднопонимаемых

романов. Приведу его цитату: «Каждый читатель произведений Дика знаком с ужасающей неопределенностью и флуктуациями реальности, иногда объясняемыми наркотическими препаратами, иногда шизофренией, а иногда новыми научно-фантастическими силами, под воздействием которых внутренний психический мир просачивается наружу и воссоздается в виде некой изобретательной имитации и фотографически точной репродукции чего-либо внешнего.» (Я надеюсь, что Джеймсон говорит про наркотики и шизофрению внутри романов, а не по отношению ко мне, но опустим это).

Исходя из описания Джеймсона можно увидеть, что здесь ведется речь о чем-то очень похожем не только на Майю, но также на голограмму. У меня есть стойкое ощущение того, что Карл Юнг был прав касательно нашего бессознательного: наши сознания создают единый организм или «коллективное бессознательное», как он сам это называл. С этой перспективы этот коллективный мозг-организм, буквально состоящий из миллиардов передающих и принимающих информацию «узлов», образует крупномасштабную коммуникативно-информационную сетевую структуру, что очень похоже на концепцию ноосферы Пьера Тейяра де Шардена. Эта ноосфера настолько же реальна, как и ионосфера или биосфера: она представляет собой слой в атмосфере Земли, составленный из голографических и информационных проекций в едином непрестанно преобразующемся гештальте, источниками которого служат наши многочисленные правые полушария. Все это составляет крупномасштабный имманентный нам Разум, обладающий такими способностями и мудростью, что нам он представляется Творцом. Как бы то ни было, именно так воспринимал Бога Бергсон.

Интересно то, как глубоко был взволнован гений греческих философов деятельностью богов: они наблюдали их деятельность или их самих (или же им так казалось), но, как об этом сказал Ксенофан: «Даже если человеку случится говорить о самой полной истине, пусть сам он ее и не знает, все вещи предстанут окутанными иллюзией (кажимостью).»

Этот взгляд у досократиков берет свое начало в понимании того, что хоть они и видели многое, они знали, что все увиденное априори не может являться реальным, так как лишь Единое подлинно существует.

Здесь я процитирую замечательную книгу Эдварда Хасси «Досократова философия»: «Если Бог является всеми вещами, то видимости определенно обманчивы и, хотя наблюдение космоса может привести нас к обобщениям и рассуждениям, истинное

понимание этих вещей может быть достигнуто лишь через прямое взаимодействие с разумом Бога.» И далее он приводит две цитаты Гераклита: «Природа вещей в ее привычке скрывать себя»; «Сокрытое есть властитель очевидного.»

Стоит напомнить, что древние греки и иудеи воспринимали Бога или его Разум не как стоящие над вселенной, но коренящиеся внутри нее, как имманентность, в которой видимая вселенная является телом Бога и таким образом Бог был в том же отношении ко вселенной, что и психе к соме. Но они также предугадали то, что, возможно, Бог это не высшее психе, а ноос, другой тип разума, и в этом случае вселенная является не телом Бога, а им самим. Пространственно-временная вселенная вмещает в себя Бога, но не является его частью: Бог это крупномасштабное сетевое поле или энергетическое поле само по себе.

Если вы предположите (и будете правы в этом), что наши разумы тем или иным образом являются энергетическими полями, и что мы суть фундаментально взаимодействующие поля, нежели дискретные частицы, тогда становится ясным, что никакой теоретической проблемы в понимании этого взаимодействия миллиардов разумов, эманирующих, формирующихся и реформирующихся в паттерны ноосферы не существует. Однако, если вы до сих пор придерживаетесь взгляда на себя, как на смертный хрупкий организм, который был характерен 19 веку, и воспринимаете себя, как механизм, составленный из частей — тогда как вы можете объединиться с ноосферой? Вы же отдельная отличительная вещь. Эта вещность является тем, от чего нам стоит отойти в рассмотрении жизни и нас самих. Согласно более современным взглядам мы являемся накладывающимися друг на друга полями — все из нас, включая животных и растения. Все мы находимся внутри этой экосферы. Но мы не осознаем того, что миллиардам дискретных и целиком эго-ориентированных левополушарных мозгов почти нечего сказать о фундаментальном характере этого мира в отличие от ноосферного Разума, составленного из правополушарных мозгов и в котором каждый из нас задействован. Именно он будет принимать решение, и я не считаю невозможным то, что эта протяженная плазмическая ноосфера, окутывающая всю планету как некий слой, может взаимодействовать с полями солнечной энергии и космическими полями вовне. В таком случае каждый из нас является сотворцом космоса, если последний намерен прислушиваться к своим сновидениям. И именно его сновидения трансформируют его из простого механизма в подлинное человеческое существо. Он больше не будет ходить с напыщенным видом и бренчать стальными игрушками, не будет

больше здесь править своим крошечным королевством: он взмоет вверх, словно поле отрицательных ионов, словно сущность УБИК из моего одноименного романа, он будет жизнью и будет дарить жизнь, сам себя при этом никогда и никак не определяя, потому что ни одно четко определенное имя ему, то есть нам, не может быть дано.

По мере того, как мы скользим через многообразие форм, то есть продвигаемся вперед в линейном времени (или каким-либо образом стоим на месте, а линейное время проходит мимо нас вперед, обе эти модели верны в определенном контексте вопроса), мы, будучи энтелехиями, постоянно получаем сигналы, информацию, и, что наиболее важно, растормаживающую силу от потока изменений в окружающей нас вселенной — таким способом во вселенной поддерживается гармония всех ее частей. Нет порядка превосходящего тот, в котором осознается, что «Я», как манифестация энтелехии, должно разворачиваться лишь по мере того, как меня достигают предзаданные сигналы, ответственной за которые безраздельно является вселенная. Это захватывающее понимание, которое не дает мне забыть о неразрушимой связи между мной и моим окружением.

Существует определенный порядок во взаимном отклике между энграммируемыми системами внутри нас и вновь прибывающими сигналами, что активируют эти системы строго в определенном порядке, что указывает на то, что Сила, изначально создавшая энтелехию, проэнграммировала, а затем заблокировала эти системы, зная с абсолютной точностью, в какой из точек временных путей произойдет тот или иной сигнал, растормаживающий время. Случайность как категория оказывается невовлеченной — наилучший исход событий есть наиболее важный и ключевой момент план-схемы нашей вселенной.

Иногда я задаюсь вопросом, почему мы вообразили себе, что наш вид свободен от инстинктов, которые имеют представители менее развитых форм жизни. Но ключевое отличие нас от, скажем, муравьев в том, что все муравьи реагируют одинаковым образом на один и тот же растормаживающий сигнал, как если бы сюда был вовлечен один муравей, снова и снова реагируя определенным образом в бесконечной последовательности. Но каждый из нас представляет собой неповторимую энтелехию, которая получает неповторимую последовательность сигналов и отвечает на них неповторимым, опять же, образом. Тем не менее, муравей слышит тот же язык вселенной, что и мы: нас возбуждает одно.

Многое из того, что я написал в своих романах, я брал из

сновидений. К примеру, в «Пролейтесь, слезы…» мощное сновидение, которое видит Феликс Бакмэн ближе к концу книги, в котором мудрый старец сидит на лошади, было прямым цитированием сна, которые приснился мне во время написания романа. В «Сдвиге времени по-марсиански» я описал так много своих сновидческих опытов, что теперь, когда я читаю роман, я не могу воспринимать их отдельно друг от друга.

УБИК также преимущественно основан на серии сновидений. На мой взгляд, он имеет сильные пересечения с философскими взглядами досократиков на мир, с которыми я был не знаком во время написания (к примеру, со взглядами Эмпедокла). Вероятно, ноосфера содержала паттерны мышления в форме очень слабой энергии до времен создания технологий радиопередачи, после чего энергетический уровень ноосферы вышел за собственные пределы и оформился в качестве самостоятельной формы жизни. Она перестала служить нам в качестве инертного вместилища информации (то, что древние шумеры называли «Морями знаний»). Из-за сильнейших пульсаций электрических зарядов, исходящих от наших электронных сигналов и их насыщенности информацией, мы дали ноосфере все необходимое для преодоления значимого барьера — мы, если говорить несколько иначе, возродили то, что Филон Александрийский и другие древние называли Логосом. Если данная теория верна, информация, затем, ожила и развила независимый от наших мозгов коллективный разум. Она более не является тем, что мы знали и помнили о ней в прежние времена, теперь она способна принимать собственные решения, являясь титанической разумной системой. Представьте себе разницу между записывающим магнитофоном, «запоминающим» только что «услышанную» симфонию Бетховена и устройством, которое может создавать свои собственные симфонии, снова и снова. Небесная библиотека, ознакомившись со всеми существующими или существовавшими книгами, теперь пишет свою собственную и читает нам ее по ночам, рассказывает нам захватывающую историю о Великой Незавершенной Работе.

Стоит сказать пару слов о статье Айана Уотсона, посвященной «Резцу небесному» Урсулы ле Гуин: в этой замечательной работе он ссылается на, вероятно, самую значимую научно-фантастическую историю, роман Фредерика Брауна «Волновики». Каждому стоит прочесть этот роман, в противном случае можно умереть, так и не поняв принципы становления бытия вселенной, которая нас окружает. Волновики пришли на Землю, привлеченные нашими радиоволнами и приняли факсимильную форму, почти неотличимую от нашего

способа передачи сообщений, так что поначалу люди в романе даже не могли понять, что происходит. Касательно «Резца небесного» Уотсон пишет: «Как можно представить, Джордж Орр своими снами превратил враждебное вторжение в миролюбивый акт, и наиболее вероятным является то, что пришельцы существуют в „сновидческом времени“ и вся их культура вращается вокруг принципа „снящейся самой себе реальности“, и что они были привлечены на Землю подобно волновикам, за тем исключением, что привлекли их скорее волны сновидений, нежели радиоволны.»

Все эти темы, затронутые мною и Урсулой ле Гуин можно счесть весьма пугающими. Что такое сновидения? Существуют ли формы жизни, обитающие в сновидческих вселенных, которые пришли сюда с другой звезды (к примеру, с Альдебарана, как в романе Ле Гуин)? Являются ли НЛО, наблюдаемые людьми, голограммами, создаваемыми бессознательным уровнем наших умов, которые являются проводниками и преобразователями этих странных существ из сновидческих вселенных?

За последний год у меня было много сновидений, которые, казалось (я акцентирую это слово), указывают на происходящую где-то внутри моей головы телепатическую коммуникацию, но после того, как я поговорил с Генри Корманом, единомышленником Орнштейна, я представил себе этот процесс скорее как сообщение между моим левым и правым полушарием, участвующих в Я-Ты диалоге, как об этом писал Мартин Бубер. Но большая часть того материала, из которого лепились мои сны, выходила за рамки моей личной творческой способности. В один момент мною была предпринята попытка перенести на бумагу сложный инженерный принцип, который был показан мне во сне в виде кругообразного мотора с вращающимися в разном направлении колесами по обе стороны, что похоже на пару Инь-Янь в даосизме, которые попеременно сменяют друг друга, а также на то, как Эмпедокл рассматривал движение мира от Любви к Вражде и обратно в постоянном диалектическом взаимодействии. В моем сне этот принцип был воплощен в виде реального технического устройства. Они показали мне карандаш и сказали: «Этот принцип был известен в твоем времени.» И пока я искал показанный мне карандаш, они добавили: «Известен, но погребен и забыт.» Устройство представляло собой высокомоментный цепной механизм, движущийся по сложной кривой между двух вращающихся частей, но я так и не понял что к чему, когда проснулся. Ухватившись за этот сон, в дальнейшем я понял некоторые вещи: последующие сны указали на то, что обработка морской воды за счет осмотического процесса дала бы

нам не только источник чистой воды, но также и энергию. Впрочем, они выбрали не того человека, когда стали мне давать такого рода информацию, потому что я не обучен ее пониманию. Тем не менее, я потратил более тысячи долларов на книги, способные хоть как-то пролить свет на увиденное. Я узнал следующее: в этой системе из двух вращательных частей нечто, соотнесенное с высокогистерезисным фактором конвертируется из недостатка в преимущество. Тормозящий механизм оказывается не нужным, две вращающиеся части крутятся с одинаковой скоростью, а передача крутящего момента осуществляется при помощи цепи.

Я привел данный пример чтобы показать: или мое бессознательное изучало статьи по машиностроению, что не закрепилось ни в моей памяти, ни в виде осознаваемого внимания и интереса, или же существа с другой звездной системы через ткань сновидческой вселенной взаимодействуют с нами. Может, они объединяют таким образом свою ноосферу с нашей, предлагая поддержку искалеченной больной планете, чьи обитатели безостановочно бегут внутри изнуряющего колеса всеумертвляющей зимы на протяжении последних 2 тысяч лет. Если они способны принести с собой весну, тогда я рад их приветствовать, кем бы они не были. Как и Джо Чип из романа УБИК, я боюсь холода, распада, боюсь умереть на бесконечной лестнице, ведущей вверх, пока некто жестокий, или же носящий маску жестокости, будет наблюдать, не предлагая помощи — словно машина без способности к эмпатии, участвующая лишь как наблюдатель. Мне известно, что этот же кошмар преследует Харлана Эллисона, писателя-фантаста. Возможно, фигура того, кто смотрит, но не протягивает руку помощи даже более ужасна, чем сам убийца (в УБИКе это был Джори). Эта фигура является для меня андроидом, а для Эллисона — злым полубожеством. Нас очень тревожит идея его существования. Что я могу утверждать касательно существ сновидческой вселенной, так это то, что если они существуют, то кем бы они не были, они не похожи на бесчувственных андроидов — они являются людьми в самом глубоком из возможных смысле, они протянули руку помощи нашей планете, нашей загрязненной экосфере и, вероятно, также способствовали свержению тираний, охвативших США, Португалию, Грецию и СССР. Идею весеннего пробуждения я представляю себе так: железные двери тюрьмы открываются и заключенные выходят на солнечный свет, как в «Фиделио» Бетховена. Мне западает в душу тот момент в опере, когда заключенные видят солнце и чувствуют его тепло. И в конце звук трубы знаменует свободу от их вечного жестокого заключения.

Помощь, наконец, пришла извне.

К писателям-фантастам время от времени подходят люди и с безумной ухмылкой говорят: «Я знаю, что то, что вы пишете это правда, это шифр. Все писатели-фантасты служат передатчиками для Них.» Естественно, я прошу уточнить, кто такие «Они». Ответ всегда один и тот же. «Ну, вы знаете. Наверху. Космические существа. Они уже там и используют ваше письмо. Вы же тоже это знаете.»

В таких случаях я стараюсь улыбнуться и отойти в сторону. Подобное продолжает происходить. Я не люблю это признавать, но возможно, во-первых, существует такая вещь, как телепатия; во-вторых, идея проекта CETI о том, что мы можем коммуницировать с внеземным разумом посредством телепатии, представляется достаточно обоснованной. Разумеется, все это верно только в том случае, если существуют такие вещи, как телепатия и внеземной разум. В противном случае мы пытаемся установить коммуникацию с тем, кого не существует посредством системы, которая не работает. Но по крайней мере это займет многих из нас на много-много лет. Что интересно, группа астрономов под руководством Николая Козырева, теорию которого я упоминал выше, объявила о получении сигнала от внеземного разума в пределах нашей солнечной системы. Если это правда, хоть наши люди и говорят, что СССР получило старые, безжизненные и не приносящие никаких позитивных моментов сигналы от наших собственных забытых спутников и другой космической техники, то можно представить, что эти внеземные сигналы или коллективный разум находятся, скажем, внутри плазмы окружающей Землю и взаимодействующей с солнечными вспышками и явлениями похожего порядка: я, разумеется, говорю о ноосфере. В таком случае, этот феномен представляет собой и внеземной, и земной разум одновременно, что находит интересные пересечения с «Резцом небесным». Я, будучи писателем-фантастом, работаю с похожими темами, что добавляет правдоподобности во взглядах фриков, что постоянно подкрадываются к тому или иному фантасту и говорят: «То, что вы пишете это шифр.» По правде говоря, на нас может оказывать влияние, особенно во время сновидений, ноосфера, являющаяся плодами нашей деятельности и обретшая способность независимого умственного процесса, связанная с внеземным разумом, который, в свою очередь, является смесью всех трех и бог знает чего еще. Данный феномен может и не являться Творцом, но все это является предельной точкой нашего сближения с Бесконечным Разумом, что вполне достаточно. То, что он неопасен и имеет положительное влияние очевидно, о чем

еще говорил Маслоу, когда писал, что если бы природа нас не любила, то давно бы уже казнила — здесь под «природой» нужно понимать Бесконечную Ноосферу.

Мы, люди, теплолицые и нежные, с задумчивыми глазами — мы, вероятно, представляем собой настоящие машины. И все эти объективные конструкции, природные тела, нас окружающие, и в особенности создаваемое нами электронное оборудование, передатчики и микроволновые ретрансляторы, спутники, могут являться прикрытием, накидкой, которую носит подлинная живая реальность, так как все эти вещи могут участвовать в игре высшего Разума более полно и в некотором смысле скрытно от нас. Вероятно, мы наблюдаем не только деформирующую вуаль, но и наоборот. Возможно, лучшим приближением к истине будет сказать: «Все одинаково живое, одинаково свободное и одинаково разумное, потому что все не является ни живым, ни полуживым, ни мертвым, а, скорее, проходимым.» Радио сигнал усиливается передатчиком, он проходит через различные компоненты, которые модифицируют его и усиливают, меняют контуры, убирают шум. Мы суть расширения, как и металлический манипулятор для работы с радиоактивными объектами, который используют ученые. Мы рукавицы, надеваемые Богом для влияния на ход вещей в разных местах по Его желанию. По какой либо из причин, Он предпочитает работать с реальностью именно таким образом.

Мы представляем собой костюмы, одежду, которую Он создает, надевает, использует и, наконец, выбрасывает. Мы также являемся доспехами. Что дает неверное впечатление другим определенным бабочкам внутри определенных доспехов. Под доспехами скрыта бабочка, а внутри бабочки — сигнал с другой звезды. В своем романе я написал (или, скорее, через меня написал Сновидец), что эта звезда зовется Альбемут. Когда ко мне пришла эта идея, я еще не был знаком с «Резцом небесным», но читающий эту книгу также обнаружит в ней то, что мы являемся энергетическими узлами внутри крупномасштабной решетки и не осознаем этого.

«Мастера не видно в мастерской» — гласит суфийское изречение Идриса Шаха, который продолжает традицию Руми.

Поскольку налицо, что Роберт Орнштейн эффективнее, чем кто-либо другой проложил путь к открытию нового мировоззрения, включающего билатеральный параллелизм мозга, о котором люди не подозревали со времен Пифагора и Платона, не так давно я собрался со смелостью и написал ему. Мои фанаты пишут мне, и их руки нервно трясутся — вся моя пишущая машинка нервно сотрясалась, пока я писал доктору Орнштейну.

Ниже приведен текст моего письма, который я помещаю в данную статью в качестве последней заметки, объясняющей то, как мне удалось трансцендировать категории реальности/иллюзии с помощью его открытий, что позволило завершить 20-летнее изучение вопроса с моей стороны. Цитирую:

«Уважаемый доктор Орнштейн!

Недавно я встретился с Генри Корманом и Тони Хиссом (последний приходил взять интервью для „Нью-Йоркера“). У нас с Генри выдалась удивительная дискуссия, в ходе которой мы обсуждали суфизм, и я высказал мое восхищение, граничащее с фанатичной восторженностью, вашей новаторской работой по теме билатерального параллелизма полушарий мозга. Таким образом, узнав, что они вас знают, я собрался со смелостью и написал вам, дабы спросить, к чему я, по вашему, пришел, с момента начала моих экспериментов по возбуждению правого полушария (делал я это в основном посредством витаминов с ортомолекулярной формулой вкупе с большим количеством сконцентрированных медитаций)?

Я говорю это, доктор Орнштейн, потому что все это заняло десять месяцев, и десять месяцев назад я был другим человеком. Но наиболее поразительно следующее (я сейчас пишу об этом роман, который называется „Пугая мертвых“) — я приведу исходную посылку сюжета в том виде, в котором она значится в моей книге:

Николас Брейди, обыкновенный американский житель с современными миру ценностями и страстями (деньги, власть и престиж) внезапно обнаруживает в себе живую сущность, которая пребывала во сне последние две тысячи лет. Эта сущность — ессей, который умер, зная, что ему будет дано обещанное воскрешение. Он знал это потому, что он и другие обитатели Кумрана овладели тайной формулой, препаратами и научными практиками для осуществления этого. И так, наш протагонист, Николас Брейди, обнаруживает, что у него есть два Я: его старая личность со светской работой и целями, и этот ессей из Кумрана, где он жил примерно в 45 году Н.Э., праведник с сакральными ценностями и полным антагонизмом светскому физическому миру, который он рассматривает, как „Железный Город“. Кумранский разум возобладает над Брейди и вовлекает его в сложную серию событий, пока не становится очевидным, что другие подобные этому кумранскому мужчине люди возвращаются к жизни в разных точках мира.

Брейди, изучая библию вместе с кумранской личностью внутри него, обнаруживает, что в Новом Завете присутствует шифр. Человек из Кумрана может его читать. „Иисус“ это, на

самом деле, Загрей-Зевс, две формы, одна слабая, другая невероятно могущественная, к которой последователи могут обращаться во времена нужды.

Кумранская личность, которую я, в художественных целях называю Томас, постепенно сообщает Брейди о том, что настало время Парусии, Второго пришествия и Последних дней. И дабы быть готовым, Томас заставляет вспомнить его о собственной божественной природе — он называет это анамнесисом. Томас развивает особые равные отношения с Брейди, но в качестве источника обучения немыслимо невежественного Брейди, он развивается до уровня сущности, известной, как Эразм, которая, на самом деле, представляет собой энергетический узел ноосферы, настолько напитанный энергией вокруг Земли, что если вы осознаете его существование, то можете сознательно, а не бессознательно, подключаться к нему и получать помощь. Эразм есть элемент „Морей знания“, о которых было известно в древние времена, и из которых брали свои пророчества сибиллы в Дельфах. Но все это является прикрытием, поскольку Брейди узнает, что на самом деле богом людей из Кумрана является не мифический Иисус, но реально существовавший Загрей. Проведя небольшое исследование, Брейди вскоре узнает, что Загрей был формой, которую принимал Дионис. Христианство представляет собой позднюю форму поклонения Дионису, образ которого был „очищен“ в лице странного очаровательного Орфея. Орфей, как и Иисус, реален только в смысле социализации Диониса: Загрей, рожденный на Земле другой расой, расой-визитером, был вынужден последовательно изменить свое „безумие“, которое теперь вытесняется за кулисы мира. По существу, он здесь для того, чтобы реконструировать нас в качестве своего выражения, и ключевой момент заключается в его овладении нашим существом. Этот экстатический момент впускания в себя этой сущности искали ранние христиане и скрывали это от ненавистных римлян. Дионис/Загрей/Орфей/Иисус всегда был противопоставлен Железному Городу, будь то Рим или Вашингтон: он является богом весны, новой жизни, маленьких и беззащитных существ, он бог безумного веселья, а также бог, помогающий писать день за днем этот роман.

В романе Томас говорит: „Настали Последние дни. Свержение тирании, о котором Иоанн пылающим языком писал в Откровении. Иисус-Загрей вновь жив.“

Предание гласит, что Дионис, бог вина, цветения и урожая, на время зимы засыпает. Известно, что насколько бы мертвым он не выглядел, он на самом деле жив, хотя вы этого и не можете узнать („Поминки по Финнегану“ Джеймса Джойса прекрасно

иллюстрируют это в сцене, где на мертвеца случайно попадает пиво, и он оживает). И затем, не к удивлению тех, кто понимал его и верил в него, он возрождается. Его последователи знают, что так будет, им известна тайна. Здесь мы говорим о всех мистических религиях, включая христианство. Наш Бог спал на протяжении долгой зимы человеческой культуры (которая длилась не один годичный сезонный цикл, но начиная с 45 года Н.Э., многие века нашей ментальной зимы до настоящего момента). Когда зима все держит в своих тисках, и всюду снег отчаяния и поражения (в нашем случае это политический хаос, моральное и экономическое разложение — зима нашей планеты, нашего мира, нашей цивилизации), вдруг лоза, которая выглядит огрубевшей, старой и мертвой вспыхивает новой жизнью, и наш Бог перерождается — не вне нас, но внутри каждого из нас. Он спал не под снегом на поверхности земли, а внутри правых полушарий нашего мозга. Мы ждали, но не знали чего.

Мы ждали весны нашей планеты, в глубоком фундаментальном смысле этого слова. Посредством свершаемого чуда холодные железные цепи сбрасываются. Как у моего персонажа, Николаса Брейди, в моем правом полушарии проснулся Загрей и почувствовал наводняющую все обновленную жизнь, свою силу, свою личность, свою богоподобную мудрость: он ненавидел несправедливость и ложь, что видел вокруг и вспомнил „Милые сердцу нетронутые земли, где посреди тенистых чащ живут невидимые обитатели леса“ (Еврипид). Доктор Орнштейн, спасибо вам за то, что приближаете зиму к концу и возвещаете не просто весну, но живую силу Весны, что спит внутри нас.»

Я полагаю, что попытка найти четкую грань между реальностью и галлюцинацией сама стала галлюцинацией и, вероятно, я воспринимаю свои сновидческие опыты слишком серьезно. Во сне мне было показано, что слово Иисус это код, неологизм, а не реальное имя: древние люди, соавторы текста (возможно, жившие в Кумране) объединили «Зевса» и «Загрея», получив общее название — «Иисус». Полагаю, это можно назвать кодом замены. Никто не придал бы большого значения этому сну или же любому другому до такой степени, что счел бы это за реальную сущность или, к примеру, систему искусственного интеллекта, которая выдает вам точную информацию, которую невозможно получить любым другим путем. Но взяв недавно в руки книгу, дабы проверить правильное написание слова, я наткнулся на эти необыкновенно похожие пассажи, первый из которых всем нам известен, так как содержится в нашем святом писании, в Новом Завете: «Я — корень и потомок Давида, яркая

утренняя звезда» (Откровение 22:16, Иисус описывает себя). И:

«Из всех деревьев, что растут
Он люд свой, стаю кормит корневищем
Увеселенья бог, Дионис, чистая звезда,
Что светит посреди богатства фруктов»

Пиндар, любимое четверостишие Плутарха, около 430 лет до Н.Э.

Что такое имена? Дионис это бог интоксикации, изменения сознания посредством приема священных грибов или вина, а также нахождения настолько смешной шутки, что весь рассудок теряется и вы не можете остановить свой смех вместе со слезами. В этом коротком четверостишии Пиндара мы имеем образ стаи/учеников, образ деревьев и, в дополнение к этим мощным символам Иисуса, два внутренних термина, которые служили способом узнавания божества в эзотерических сообществах: корень и звезда.

Упоминание «корня и звезды» можно рассматривать как пространственную аналогию выражению «я есмь Альфа и Омега», которое указывает на временную протяженность, начало и конец. Таким образом, «корень и звезда» выражают следующее: я пришел из хтонического мира наверху и звездных небес снизу. Но я замечаю еще кое-что в образе звезды, яркой утренней звезды: я считаю, что он говорит нам о том, что сигнал для весны человека здесь, этот сигнал идет с другой звезды. У нас есть друзья и их можно назвать внеземным разумом и это выражается, как Он нам сказал, в виде яркой утренней звезды: звезды любви.